

В.И. Герье

Блаженный Августин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Герье**
Блаженный Августин / В.И. Герье – М.: Книга по Требованию, 2024. – 698 с.

ISBN 978-5-458-07550-3

ISBN 978-5-458-07550-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Великихъ людей можно уподобить высокимъ горнымъ вершинамъ, издали манящимъ насъ къ себѣ своей высотой, устремленной къ небу и обширностью горизонта, съ нихъ открывающагося, подобно такимъ горнымъ вершинамъ привлекаютъ насъ къ себѣ великіе люди своею выдающеюся личностью и возможностью черезъ нихъ познать современный имъ вѣкъ, или обозрѣть съ ихъ высоты цѣлый рядъ вѣковъ въ исторіи человѣчества. Не всѣ великіе люди, конечно, одинаково удовлетворяютъ обоимъ этимъ интересамъ—одни изъ нихъ замѣчательны преимущественно своею личностью, другіе историческою ролью, выпавшей на ихъ долю. И рѣдко кто даетъ столько мотивовъ для историческаго его изученія, какъ Августинъ съ его гениальной личностью, моральной высотой, съ его руководящею ролью въ современномъ ему обществѣ и съ его влияніемъ на длинный рядъ послѣдующихъ поколѣній.

Судьба поставила Августина на водораздѣлѣ двухъ великихъ эпохъ въ культурной жизни человѣчества—античнаго, языческаго міра и средневѣковаго, христіанскаго, и онъ принималъ выдающееся участие въ борьбѣ этихъ двухъ культуръ, этихъ двухъ мировоззрѣній. За нѣсколько десятковъ лѣтъ до рожденія Августина совершился мировой переворотъ, ознаменованный легендарнымъ видѣніемъ Константина. И къ Августину, какъ къ этому первому христіанскому императору, примѣнимы слова *In hoc signo vinces*, ибо Августинъ съ помощью креста побѣдилъ самого себя и побѣждалъ духовно міръ. Въ его собственной семьѣ и въ его воспитаніи проявился разладъ между эллинизмомъ на его закатѣ, давшимъ Августину свое образование и свою философію—и между захватившимъ римскій міръ христіанствомъ. Самое обращеніе Августина къ христіанству, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и послѣ долгихъ

колебаний, является символическимъ актомъ творившагося вокругъ него мирового процесса

Въ душевной борьбѣ, предшествовавшей крещенію Августина, выступаетъ великая роль платонизма въ подготовленіи христианства. Разныя ступени въ обращеніи Августина раскрываютъ намъ побужденія, приводившія язычниковъ къ христианству и нравственныя потребности языческаго общества, которыя находили удовлетвореніе въ христианствѣ—идею единобожія въ противоположность къ политеизму, вѣру въ безсмертіе души, давно запавшую въ душу античнаго человѣка и признаніе моральнаго зла, какъ отпаденіе отъ божества, какъ грѣхъ, требующій искупленія

Сдѣлавшись христианиномъ и вступивъ въ ряды духовенства, Августинъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ продолжавшейся вокругъ него борьбы между язычниками и христианами. На язычество съ его идолами и развращающимъ театромъ онъ сталъ смотрѣть, какъ на препятствіе къ обращенію всего міра въ христианство, и онъ положилъ не мало труда, знанія и краснорѣчія на обличеніе язычества и его апологетовъ. Но это была борьба духовная и въ отличіе отъ многихъ епископовъ того времени, ведшихъ свою паству съ крестомъ въ рукахъ на разрушеніе языческихъ храмовъ, Августинъ считалъ своей „главной заботой“, по его выраженію, „разбивать идолы въ сердцахъ“

Страшная катастрофа, разразившаяся надъ римской имперіей, разрушеніе ея столицы готами, побудила Августина поднять обличеніе язычества на философскую высоту. На обвиненіе христианъ, что они виновники мирового бѣдствія, что отпаденіе отъ боговъ Рима лишило его ихъ оплота и защиты, Августинъ отвѣтилъ удручающимъ разборомъ всей истории римскаго и предшествовавшихъ ему государствъ. Онъ доказывалъ, что подобныя бѣдствія всегда бывали въ истории государствъ, что языческіе боги были немощны ихъ предотвратить, а безнравственностью языческихъ мифовъ и культа только вредили своимъ поклонникамъ, наконецъ, что зло коренится въ самой сущности языческаго государства, основаннаго на насилии. Языческому государству Августинъ противопоставилъ идеальный *градъ*, градъ Божій, который живетъ по закону Божьему и который проявлялся еще до рожденія Христа съ самаго сотворенія міра въ лицѣ праведниковъ, преимущественно среди „избраннаго“ народа. Такимъ образомъ все прошлое человѣчества, которое предшествовало Августину, христианскіе хронографы изображали лишь въ механически сопоставленныхъ родословныхъ и хронологическихъ таблицахъ, было охвачено однимъ общимъ синтезомъ, въ основаніи котораго лежала идея религиозно-

нравственной эволюции Язычество было окончательно побѣждено во всемъ его прошломъ, во всей его совокупности, съ его культурой, религіей и государствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *вся* исторія челоѳчества — съ эллинами, иудеями и варварами, впервые слилась въ общемъ синтезѣ, впервые была осмыслена высокой идеей! Августинъ сдѣлался творцомъ философіи исторіи, давъ ей то теократическое направление, которое господствовало до XVIII вѣка.

Но образъ Божьяго царства имѣлъ для Августина болѣе важное значеніе, чѣмъ средство „ориентировать“ ходъ всеобщей исторіи, въ его глазахъ онъ долженъ былъ быть высшимъ руководствомъ въ жизни для всѣхъ, его познавшихъ для людей и народовъ, для государства и церкви. Всѣ они должны были стремиться къ тому, чтобы содѣйствовать осуществленію Божьяго царства. Эта идея была такимъ образомъ возведена въ плодотворный принципъ прогресса. Не даромъ послѣ Августина не мало реформаторовъ зывали къ осуществленію Божьяго царства на землѣ. Въ представленіи Августина главную роль къ осуществленію царства Божьяго должна была конечно играть христіанская церковь, такъ какъ она была его земной „проекціей“ (*umbra*), *частью* его, по его выраженію. Такимъ образомъ идея Божьяго царства послужила къ апопееозу церкви. Къ реальному торжеству церкви въ концѣ IV вѣка при соединилась теперь ея идеализація. Но самое Божье царство Августина было понятіемъ духовнымъ, не земнымъ, а сверхземнымъ и поэтому съ его точки зрѣнія идея Божьяго царства въ примѣненіи къ церкви могла служить только исходной точкою для нея въ исполненіи ея *небеснаго* призванія.

Понятно, что церковь должна была занять первенствующее мѣсто въ помыслахъ и дѣятельности того, кто поставилъ ей такой высокій лозунгъ. Но служенію церкви предшествовалъ въ жизни Августина подготовительный періодъ внутренняго перерожденія, которое предопредѣлило и самый способъ служенія ей и оставило глубокий слѣдъ въ ея организаціи.

Обращеніе къ христіанству было для Августина не замѣной однихъ убѣжденій другими, одной вѣры другою, но полнымъ нравственнымъ переломомъ, поворотомъ въ направленіи жизни. Отдавшись христіанству, Августинъ отрекся отъ своего призванія ритора, которое при его блестящихъ дарованіяхъ сулило ему славу и почетное положеніе, онъ отказался также отъ личнаго счастья, отъ семейной жизни, въ которой чувствовалъ страстную потребность. И въ этомъ случаѣ фактъ личной жизни Августина раскрываетъ предъ нами существенную черту современной ему эпохи — жажду личнаго усовершенствованія на почвѣ аскетиче-

скаго идеала Душевныя тревоги, которыя переживалъ Августинъ въ поискахъ истины и идеала, указываютъ намъ, какое выдающееся мѣсто занимали аскетическя вождельнця почти во всѣхъ философскихъ ученияхъ и религиозныхъ культахъ того времени Вездѣ религиозное, умственное и нравственное усовершенствование обуславливалось болѣе или менѣе подъемомъ души надъ миромъ, отречениемъ отъ мирскихъ благъ и интересовъ Даже манихейство, эта грубая амальгама зороастровой религии съ заимствованными у христіанства представленіями, которымъ временно увлекался Августинъ, ставило своимъ сторонникамъ аскетическя требованія Гораздо возвышеннѣе были требованія, которыми обуславливалось „восхождение“ по платоновской диалектикѣ къ созерцанію „высшаго блага“ И Августинъ рѣшилъ посвятить себя этому философскому аскетизму, порвавши всѣ мирскя связи Но крещеніе придало Августиновскимъ вождельнцямъ аскетизма другое направленіе и идеаль „мудреца“ уступилъ мѣсто другому — идеалу христіанскаго аскета На христіанскомъ востокѣ въ дни Августина уже сильно развилось отшельничество появились и монашескя общежитія На западѣ ихъ было еще мало, а въ римской Африкѣ ихъ еще вовсе не было, и Августину принадлежить одно изъ первыхъ аскетическихъ общежитій на почвѣ римской Африки

Августинъ хотѣлъ уйти изъ міра, но его таланты были слишкомъ значительны, чтобы церковь могла обойтись безъ нихъ И Августину пришлось пережить ту дилемму, которая съ тѣхъ поръ такъ часто представлялась выдающимся церковнымъ дѣятелямъ — выборъ между тихой монастырской обителью и возвращениемъ въ міръ для борьбы съ нимъ въ пользу церкви Августинъ принесъ свой душевный покой въ жертву церкви и прославилъ своей дѣятельностью скромную епископскую кафедру въ Гиппонѣ въ Нумиди То было время, когда церковь, лишь недавно освобожденная изъ-подъ гнета языческаго государства, покровительствуемая христіанскими императорами, заняла торжествующее положеніе въ тогдашнемъ обществѣ На мѣстномъ представителѣ церкви, на епископѣ, лежали самыя разнообразныя, духовныя и мирскя заботы, и дошедшая до насъ часть обширной переписки Августина даетъ намъ интересный биографическій матеріалъ и служить важнымъ подспорьемъ для изображенія дѣятельности христіанскаго епископа на грани IV и V вѣковъ Взаимныя отношенія между епископами, администрація епархіи, нравы духовенства, народныя обычаи, духовныя нужды и запросы прихожанъ, пастырское утѣшеніе и поученіе, заступничество за обиженныхъ и ходатайство предъ уго-

ловнымъ судомъ за приговоренныхъ—все это входитъ въ историческую мозаику, которую можно возстановить съ помощью переписки Августина

Но пастырская дѣятельность Августина не ограничивалась предѣлами его епархіи. Несмотря на свое блестящее положеніе въ IV вѣкѣ церковь страдала внутренними недугами, ересями и расколомъ. Правда, главная опасность отъ арианства была уже предотвращена въ дни Августина и влияние этой ереси тогда мало чувствовалось въ римской Африкѣ. Но ему пришлось бороться съ манихействомъ и еще болѣе съ пелагианствомъ, по поводу котораго, подъ руководствомъ Августина, африканскій епископъ обнаружилъ замѣчательную самостоятельность по отношенію къ римскому епископу. Однако церковь римской Африки страдала специальнымъ недугомъ—расколомъ *донатизма*. Поводъ къ расколу дало послѣднее преслѣдованіе христіанъ и самый этотъ поводъ можно назвать въ своемъ родѣ почтеннымъ—онъ заключался въ нравственномъ ригоризмѣ, который уже не разъ проявляла африканская церковь. На этотъ разъ поборники ригоризма были оскорблены слабостью, обнаруженною во время преслѣдованія тѣми духовными лицами, которыя предали языческимъ властямъ священныя книги или сосуды. Но къ этому поводу присоединились столкновенія личнаго характера и расколъ обострился вслѣдствіе глубокой розни въ самомъ африканскомъ населеніи, только частью латинизованномъ. Донатизмъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою любопытный фактъ въ общей исторіи расколовъ, указывая на важную роль, какую въ такихъ случаяхъ играютъ культурныя или расовыя диссонансы. Когда Августинъ сталъ епископомъ, почти въ каждомъ городѣ Африки было по два епископа: одинъ *вселенскій* (каеолическій), а другой донатистскій, и взаимная вражда между паствами обоихъ сплошь и рядомъ доводила ихъ до кровавыхъ схватокъ. Это было вопиющимъ нарушеніемъ *единства* церкви. Поднявшись надъ еврейскимъ націонализмомъ и языческимъ синкретизмомъ, христіанство выступило, какъ религія *всего* человѣчества, какъ *единая* религіозная истина. Его единство выражалось и охранялось вселенскими соборами и поддерживалось единствомъ имперіи. И вдругъ, по винѣ донатизма, христіане, согласные между собою въ ученіи и въ богослуженіи, стали другъ друга проклипать, выдавая каждый свою церковь за истинную. Для Августина такой расколъ имѣлъ тѣмъ болѣе роковое значеніе, что только при условіи единства церковь могла, согласно его представленію, являть собою „часть Божьяго града, скитающуюся на землѣ“

И онъ принялся со всею пылкостью своей вѣры устранять донатистскій расколъ и около тридцати лѣтъ своей жизни посвятилъ борьбѣ съ нимъ. Сначала онъ надѣялся склонить донатистовъ къ миру и единству своими проповѣдями и собесѣдованіями, но донатисты стали скоро уклоняться отъ послѣднихъ, опасаясь учености въ Св Писани и краснорѣчя своего противника. Тогда онъ вступилъ въ литературную полемику съ ихъ защитниками, между которыми было не мало искусныхъ риторовъ. Онъ принималъ дѣятельное участие въ мѣстныхъ соборахъ епископовъ, пытавшихся вернуть своихъ донатистскихъ соперниковъ въ лоно общей церкви. Но донатисты отвѣчали на эти попытки злобнымъ насиліемъ своихъ фанатическихъ массъ надъ церквами и духовенствомъ каеоликовъ.

Тогда и Августинъ присоединился къ епископамъ, потребовавшимъ у правительства энергическихъ мѣръ для подавленія своеволя и безобразія донатистовъ.

Успѣхъ этихъ мѣръ побудилъ Августина признать цѣлесообразность принудительныхъ мѣръ для устранения раскола. Государство послѣ разныхъ колебаній въ своей политикѣ рѣшилось наконецъ крутыми мѣрами противъ донатистовъ прекратить ихъ расколъ и Августину не разъ приходилось, радуясь (часто мнимому) торжеству „единенія“, взывать къ снисходительности и человечности властей, стоявшихъ на стражѣ этого „единенія“.

Такъ служилъ Августинъ *вѣрою и правдою* Божьему царству и это служение запечатлѣлъ своею смертью. Тогдашній бичъ римской Имперіи, нашествіе варваровъ обрушилось и на римскую Африку. Арианскіе вандалы изъ Испаніи вторглись въ Африку и осадили Гиппонъ. Задолго до этого Августина запрашивали, должно ли каеолическое духовенство покорно претерпѣвать ужасы нашествия, не разставаясь съ паствой, или, напротивъ, укрываться въ безопасныхъ мѣстахъ, щадя себя въ интересахъ церкви. Своимъ примѣромъ Августинъ подкрѣпилъ данный имъ тогда отвѣтъ. Онъ остался въ Гиппонѣ и умеръ тамъ въ 430 году во время осады города вандалами—76 лѣтъ.

Два вѣка спустя мусульманское нашествіе уничтожило христіанство въ Африкѣ, навсегда замолкли враждебные клики донатистовъ и каеоликовъ, Гиппонъ исчезъ съ лица земли со своими церквами и гробницей Августина, но духъ его продолжалъ жить за предѣлами его родины и его вѣка. Никто изъ западныхъ „отцовъ“ церкви не имѣлъ такого вліянія на средневѣковую церковь и культуру и благодаря этому Августинъ является такъ сказать во второй разъ свѣтиломъ на небосклонѣ исторіи.

Въ своей личной жизни и въ своихъ творенiяхъ Августинъ былъ одинаково восторженнымъ проповѣдникомъ и поборникомъ тѣхъ двухъ началъ, на которыхъ зиждился наступавшiй периодъ исторiи—принципа аскетизма и вѣры въ церковь, какъ высшую руководительницу челоѳчества. Такимъ образомъ Августинъ сталъ однимъ изъ главныхъ строителей *средневѣкового мировоззрѣнiя*, около тысячелѣтiя слагавшагося и господствовавшаго надъ культурной частью челоѳчества. Понятно, какое почтенiе должны были поэтому питать къ Августину другiе радѣтели и представители этого мировоззрѣнiя. Понятно также, какое значенiе имѣеть вслѣдствие этого Августинъ для всѣхъ изслѣдователей этой эпохи въ мировой исторiи, тѣмъ болѣе, что самый смыслъ этой эпохи лучше всего раскрывается для наблюдателя, когда онъ проникнетъ до высокихъ и чистыхъ источниковъ этого мировоззрѣнiя, бьющихъ горячимъ ключомъ у Августина. Тогда въ совершенно иномъ свѣтѣ представляются намъ и вѣка, которые казались потомкамъ „темными“ и варварскими. И не безъ основанiя они казались таковыми, ихъ можно назвать „темными“ не только потому, что въ нихъ померкло античное просвѣщенiе, но и потому, что въ нихъ тускнѣли высокiе идеалы, которыми вдохновлялся Августинъ. Аскетизмъ становился въ монашесствѣ ремесломъ, а церковь слишкомъ часто забывала о своемъ идеальномъ призванiи.

Въ самую жизнь церкви проникло глубокое противорѣчiе. Аскетизмъ сильно содѣйствовалъ возвышенiю и силѣ церкви, и церковь всѣми мѣрами благопрiятствовала ему, она покровительствовала монашеству и внесла аскетическiй принципъ въ организацию самого духовенства. Церковь благословляла и проповѣдовала мiрянамъ отрѣшенiе отъ мiра, а сама подъ этимъ знаменемъ шла послѣдовательно и рѣшительно къ власти надъ мiромъ и обладанiю имъ. Она становилась мiрскимъ учрежденiемъ и, пользуясь ослабленiемъ государства, стремилась къ подчиненiю его себѣ и сама становилась мировымъ государствомъ.

Это существенное самопротиворѣчiе, грозившее исказить идею церкви, не укрылось отъ лучшихъ людей того времени и вызывало съ ихъ стороны громкiй протестъ и энергическiя попытки воскресить аскетическiй идеалъ и возвратить къ нему церковь. Эти попытки внесли движенiе въ застой, къ которому была склонна церковь и придаютъ исторiи среднихъ вѣковъ высокiй духовный интересъ. Это противорѣчiе останаливало на себѣ вниманiе и новыхъ историковъ, и ихъ критика исторiи папства съ этой точки зрѣнiя, какъ на примѣръ, у Лорана, весьма оживила этотъ пред-

метъ Но при этомъ не нужно забывать, что въ исходной точкѣ средневѣкового мировоззрѣнія, какъ оно представлялось Августину, не было этого противорѣчя Последнее явилось только вслѣдствие того, что церковь подъ влиянiемъ мiра и историческихъ условiй не могла удержаться на той высотѣ идеала, который жилъ въ душѣ Августина Эта же самая причина парализовала въ значительной степени и благотворное влиянiе, которое могъ бы имѣть Августинъ на средневѣковую культуру Уровень этой культуры былъ такъ не высокъ и мирскiе интересы такъ сильно преобладали въ церкви, что идеаль Августина тускнѣлъ въ этой низменной атмосферѣ и настоящiй Августинъ былъ не всегда понятенъ тѣмъ, кто ссылался на его авторитетъ

Это не всегда достаточно принимаютъ во вниманiе писатели, говоряще объ исторической роли Августина и приписывающе ему средневѣковыя представленiя, основанныя на неполномъ его пониманiи Уже аскетическiй идеаль Августина не по плечу среднимъ вѣкамъ Въ эту эпоху Августина считали простымъ поборникомъ монастырскаго идеала, ему приписывали составленiе монашескаго устава и назвали одинъ изъ нищенствующихъ орденовъ по его имени—августинскимъ

Въ X вѣкѣ Хродегангъ, епископъ Мецскiй, основалъ первый каноникатъ, т е общину соборныхъ священниковъ на монастырскомъ началѣ Эта община имѣла впоследствии много подражателей, но позднѣйше каноникаты, помимо безбрачiя—не рѣдко мнимаго, весьма мало соответствовали августиновскому идеалу Въ XI вѣкѣ западная церковь сдѣлала дальнѣйшiй, рѣшительный шагъ на пути аскетизма, признавъ обязательнымъ безбрачiе для всего духовенства, но болѣе тонкое, духовное пониманiе аскетизма Августина, осталось чуждо даже ревнителямъ его въ среднiе вѣка

Наиболѣе подверглось непониманiю самое оригинальное, завѣтное представленiе Августина—Божье царство Въ мысляхъ Августина оно именно должно было поднять церковь выше всѣхъ материальныхъ интересовъ, а въ среднiе вѣка его обратили въ источникъ безграничныхъ притязанiй на мирскiя блага для церкви и въ орудiе порабощенiя государства ея власти Материализация всего духовнаго, составляющая характерную черту средневѣковья, коснулась и идеи Божьяго царства Она была лишена своего универсальнаго, мистическаго значенiя и была непосредственно отождествлена съ видимою церковью Примѣняя идею Божьяго царства къ конкретнiй церкви, ея ревнители совершенно забыли, что церковь была въ глазахъ Августина лишь скиталицей на землѣ, что она заключала въ себѣ вмѣстѣ съ пшеницей и плевела,

праведниковъ и злыхъ (*mal*), что она лишь собирала членовъ Божьяго царства и была далека отъ того, чтобы представлять изъ себя общину святыхъ (*communio sanctorum*) Поборники средне-вѣковой теократии забыли о томъ, что уподобленіе церкви Божіему царству у Августина относилось къ единой, вселенской церкви, управляемой соборами, а не къ мѣстной *римской*. Расстояние между идеями Августина и представленіемъ о немъ въ средне вѣка такъ-же велико, какъ различіе между церковью временъ Θεодосія Великаго и церковью Иннокенгія IV и Бонифація VIII.

Такимъ образомъ изученіе Августина почти одинаково необходимо для вѣрнаго пониманія какъ эпохи торжества христианства надъ язычествомъ, такъ и торжества римской іерархіи надъ государствомъ

Но не только историческая роль Августина, не только зрѣлище обширнаго кругозора, которое представляетъ его биографія, дѣлаютъ его драгоценнымъ для потомства. Августинъ — безсмертная личность, онъ живетъ въ своихъ твореніяхъ и всякій можетъ въ этихъ твореніяхъ познать его великую душу. Онъ поэтому всегда привлекалъ къ себѣ тѣхъ, кто, подобно Петраркѣ, считалъ достойнѣйшимъ въ мірѣ зрѣлищемъ созерцаніе человѣческой души. Не даромъ эта мысль пришла этому первенцу итальянскаго гуманизма, когда онъ, взошедши на вершину Монъ-Ванту, чтобы насладиться оттуда чуднымъ видомъ, раскрылъ принесенную имъ съ собою книгу Августина. Онъ забылъ про развернувшуюся у его ногъ красоту природы, увлеченный созерцаніемъ красоты великой человѣческой души, вылившейся въ безсмертномъ твореніи Августина, въ его „Исповѣди“.

Содержаніе „Исповѣди“ — это исторія души Августина, исторія ея подъема отъ дѣтскаго, чисто конкретнаго представленія о богѣ къ философскому созерцанію абсолютнаго у платониковъ и далѣе къ религиозному созерцанію христіанскаго бога, но вмѣстѣ съ развитіемъ этого богопознанія растетъ, преобразуется и окрыляется душа самого Августина. Предъ нами типическій процессъ, совершавшійся тысячи разъ въ душѣ другихъ людей и характеризующій природу человѣка, но никогда этотъ процессъ не совершался въ такой чистотѣ и глубинѣ, съ такимъ напряженіемъ, съ такою тяжелой борьбою и съ такимъ страстнымъ *восхищеніемъ* — и никогда самый сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ идею божества, не былъ прозрачнѣе и цѣннѣе.

Августинъ жилъ въ эпоху когда религиозный вопросъ поглощалъ все вниманіе какъ человѣческой личности, такъ и общества и самого государства. Августинъ будетъ жить и въ потомствѣ какъ одинъ изъ величайшихъ представителей религиознаго творчества. Хотя онъ не создалъ *новой* религии, но его нужно причислить къ тѣмъ „религиознымъ“ творцамъ (Religionsstifter) которыхъ Буркгардтъ*) называетъ „великими людьми въ высшемъ смыслѣ этого слова, потому что въ нихъ жило то сверхчувственное начало, которое сохраняетъ способность въ теченіи тысячелѣтій покорять не только ихъ народъ, но и много другихъ народовъ, т-е объединять ихъ религиозно-нравственной связью. Въ нихъ бессознательно существующее приходитъ къ сознанию и скрытая воля становится закономъ“

По глубинѣ его религиознаго сознания и по силѣ его религиознаго восторга Августина слѣдуетъ поставить наряду съ высшими образцами религиознаго творчества въ Вѣтхомъ завѣтѣ

Слѣдя за эволюціей души Августина, наблюдатель постигаетъ и великую проблему происхожденія религии въ душѣ человѣка. Исслѣдователи быта дикарей не разъ приходили къ заключенію, что религія коренится въ чувствѣ *страха*, который внушаетъ первобытному человѣку окружающій его міръ, непонятный ему и полный опасностей для него. Конечно страхъ гналъ и не однихъ дикарей къ алтарю боговъ, но не онъ былъ источникомъ идеи божества и вѣры въ него. Исторія души Августина наглядно показываетъ, что источникъ религиозной идеи нужно искать въ самосознаніи человѣка, которое заставляло его искать въ мірѣ божества. По мѣрѣ созрѣванія своего самосознанія человѣкъ постигаетъ идею міроваго начала, или закона, и испытываетъ потребность выяснить и опредѣлить свое отношеніе къ нему. И чѣмъ возвышеннѣе и просвѣтленнѣе, говоря языкомъ Лейбница—человѣческая монада, тѣмъ возвышеннѣе и ея представленіе о божествѣ и объ ея отношеніи къ нему.

Но не какъ религиозный только мыслитель стоитъ Августинъ передъ потомствомъ. Онъ дорогъ не только тѣмъ, кто у этого пылающаго очага религиознаго восторга, согрѣвалъ свою вѣру.

Другой еще основной фактъ человѣческой природы типически проявляется въ душевной эволюціи Августина. Въ связи съ религиознымъ просвѣщеніемъ Августина въ его душѣ совершается *моральный* подъемъ. По мѣрѣ совершенствованія его богопознанія происходитъ въ душѣ Августина пробужденіе *совѣсти*. Пара-

*) Burckhardt Weltgeschichtliche Betrachtungen p 231